

Майкл Манн, Дилан Райли

МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НЕРАВЕНСТВА ГЛОБАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДА (1950–2000)

1. ВВЕДЕНИЕ

Едва ли не во всех исследованиях по неравенству дохода основной единицей рассмотрения становится нация-государство или мир как целое. При изучении распределения доходов внутри страны каждое государство рассматривается отдельно (Tsai, 1995; Alderson, Nielsen, 1999, 2002). А когда нужно сравнить неравенство доходов в разных странах (Firebaugh, 1999, 2000) или изучить обе названные проблемы в единой перспективе (Goesling, 2001), применяется понятие «мирового неравенства дохода» и чаще всего противопоставляются развитый «север» слаборазвитому «югу». В этой статье представлен другой подход: мы вводим понятие «макрорегиона», считая, что в рамках этого концепта обсуждать вопрос о неравенстве доходов более чем уместно. «Макрорегион» мы определяем как кластер стран, занимающих специфическую геополитическую нишу и располагающих сходными политическими институтами, а также обнаруживающих немало совпадений в культуре и устройстве экономики. В статье доказыва-ется, что уровни неравенства доходов внутри страны схожи во всех странах такого макрорегиона и при этом значительно различаются между макрорегионами. Мы попытались изобразить широкую перспективу межнационального неравенства доходов, в которой важность учета региональной составляющей выступит особенно рельефно. При этом нам пришлось сфокусироваться на некоторых исторических процессах, таких как поражение или победа в войне, вторжение колониалистов и распространение специфических элементов культуры — все это необходимо для понимания причин возникновения паттернов распределения дохода. В конце статьи делается вывод, что при исследовании неравенства доходов нужно уделять макрорегионам не менее пристальное внимание, чем нациям-государствам.

2. МЕЖДУНАРОДНОЕ НЕРАВЕНСТВО ДОХОДОВ КАК ПРЕДМЕТ ОБСУЖДЕНИЯ

Проанализировать неравенство дохода можно только в два этапа. На первом этапе необходимо рассмотреть общепринятую трактовку динамики неравенства доходов в последние два десятилетия. На втором этапе требуется критически исследовать два способа объяснения этой динамики: ссылка на обстоятельства внутри каждой страны и противопоставление «севера» и «юга». Мы увидим, что ни одно из этих объяснений недостаточно для понимания того, почему страны легко объединяются в группы на основании уровней неравенства доходов внутри страны. При том что различия в этом отношении между макрорегионами хорошо известны и на практике учитываются, теоретическая дискуссия по вопросу была скудной, поэтому в конце концов мы пытаемся наметить концептуальный подход к проблеме, показав, почему следует сосредоточиться на макрорегионах, не сводя все к проблемам отдельных наций-государств или противопоставлению центра и периферии.

2.1. Уровень изученности проблемы

В научной литературе по сравнению неравенства доходов к настоящему времени выдвинуто три хорошо обоснованных тезиса. Первый: неравенство доходов внутри отдельной страны в большинстве стран усилилось в 1980–1990-х гг. после долгого постепенного его ослабления в послевоенный период. Второй: неравенство доходов между странами, особенно между странами развитого «севера» и слаборазвитого «юга», остается весьма значительным и показывает тенденции к усилению, особенно в 1980-е гг. Третий: несмотря на повсеместную тенденцию усиления неравенства, средний (overall) уровень неравенства между странами продолжает сильно различаться. Далее мы даем краткий обзор литературы, в которой эти тезисы обосновываются.

В 1978 г. известный экономист Генри Аарон в аналитической записке, изданной институтом Брукинга, доказывал, что «прослеживание изменений в распределении дохода в США подобно наблюдению за ростом травы» (цит. по: Gottschalk, Smeeding, 1997, p. 633). В наши дни так никто бы не сказал. В большинстве стран мира и неравенство рынка труда, и неравенство домохозяйств в этом отношении за последние два десятилетия XX в. значительно усилилось (Gottschalk, Smeeding, 1997, p. 636). Подтверждения этому можно найти в последнем исследовании неравенства по 73 странам (Cornia, Addison, 2003): оказалось, что в 48 из этих стран неравенство в 1980-х — начале 1990-х гг. усилилось, в 16 — осталось на том же уровне и только в 9 — ослабло. Таким образом, последние двадцать лет XX в. стали временем усиления неравенства в большинстве стран, данные по которым изучены.

Чем объясняют тенденцию к усилению неравенства доходов в 1980–1990-е гг.² Дискуссия уже не сводится к определению двух основных

позиций на этом поле: ситуации на рынке и классово-институциональной структуре. Экономисты неоклассической школы доказывают, что неравенство в первую очередь создается спросом и предложением на землю, капитал и труд различного типа. Такая модель предсказывает, что уровень неравенства с либерализацией рынка будет изменяться по кривой, напоминающей перевернутую букву U. Классическая кривая Смита показывает, что неравенство сначала усиливается, как только расширяется рынок в результате индустриализации, а потом начинает ослабевать (Higgins, Williamson, 1999; Dollar, Крау, 2004). В наши дни давление рынка, как считается, слишком различно в северных и южных регионах. На севере всегда больше квалифицированной рабочей силы, тогда как на юге уровень квалификации низок. Согласно теореме Столпера—Сэмюэльсона об интенсивности употребления ресурсов, по мере развития торговли ресурсы смещаются в сторону ориентирующихся на экспорт рынков, поэтому как только барьеры глобальной торговли становятся не такими непреодолимыми, как раньше, север начинает экспортировать блага, созданные интенсивным квалифицированным трудом, и ввозить блага, созданные столь же интенсивным неквалифицированным трудом. Юг делает то же самое: он вывозит блага, созданные интенсивным неквалифицированным трудом, а импортирует блага, созданные интенсивным квалифицированным трудом. Таким образом, на севере спрос возрастает на квалифицированный труд и снижается на неквалифицированный, тогда как на юге происходит прямо противоположное. Получается, что при открытости торговли между севером и югом на севере неравенство усиливается (обеспечивая вложения в образование), тогда как на юге оно ослабевает (Wood, 1994, pp. 28–30; Gottschalk, Smeeding, 1997, p. 647). Именно так можно предварительно объяснить усиление неравенства доходов в странах севера: здесь действуют силы рынка, создающие непреодолимое различие между высоко- и неквалифицированными работниками.

Есть и другое объяснение, не слишком далекое от первого и в некоторых случаях даже с ним совпадающее: в нем рассматривается не торговля, а институты. Специфика институтов бывает различной: она может быть связана с отношениями собственности, классовой организацией или коллективным соглашением (*collective bargaining*). Классики политической экономики, равно как и Маркс и его последователи, доказывали, что распределение собственности вызывает классовую борьбу вокруг распределения дохода (Dobb, 1963, p. 14; Marx, 1984, pp. 877–884; Smith, 1976, pp. 53–61). Это подтвердилось и тем, что деятельность профсоюзов и давление правительств привели к большему равенству доходов (Garrett, 1998; Hicks, 1999, pp. 145–147; Korpi, 2000; Rueda, Pontusson, 2000). Ученые, работающие сейчас в этой традиции, полагают, что глобализация способствует неравенству доходов, потому что меняет баланс отношений между классами. Национальные рабочие организации ослабевают в связи с упадком производственных объединений (*unionized manufacturing*) и увеличением разрыва между высокой и низкой квалификацией при усилении уже глобально организованного

капитала. Профсоюзы и отдельные государства теряют прежнюю энергию протеста и уже не могут сопротивляться стремлению капитала присвоить себе большую прибавочную стоимость.

В некоторых работах последних лет неравенство доходов также связывается с динамикой формирования классов на международном уровне. Эти исследователи предполагают, что финансовый капитал представляет собой наиболее пронизанную глобализацией часть современного капитализма: он способен обойти с фланга целое государство и ослабить труд. Это и приводит к фискальной «гонке на дно» (*race to the bottom*), поскольку государства вынуждены снижать налоги и свертывать социальные программы для того, чтобы привлечь мобильный капитал — а это, разумеется, усиливает неравенство. Все это рассматривается как фактор дальнейшего давления со стороны США как крупнейшей геополитической и экономической силы. США — не просто самый сильный экономический игрок: нужно учитывать, что экономика США во многом из производственной стала финансовой (Arrighi, 1994, pp. 214–238; Brenner, 1998, p. 20; Brenner, 2002; Arrighi, Silver, 2003). В 1970-е гг. глобальное экономическое могущество США сместилось от Бреттон-Вудской системы глобального валютного и кредитного менеджмента, дипломатически обеспечиваемого и поддерживаемого правительством, к много более подвижной рыночной системе, основанной на значении доллара как резервной валюты (Gowan, 1999). США в первую очередь поддерживают открытые рынки, особенно в финансовом секторе. В конце 1970-х гг. неолиберальная Чикагская школа распространила свое влияние в среде американских экономистов и в бизнес-школах, и через них это влияние стало ощущаться во многих южных странах. Американский контроль над развитием международной банковской системы также способствовал навязыванию неолиберальных реформ по всему миру. Ясно, что это тоже должно было привести к усилению неравенства, тем более что некоторые неолиберальные экономисты сами признают, что в краткосрочной перспективе усилившееся стремление «соответствовать рынку» усиливает неравенство.

Многokrатно обсуждалась связь между ориентацией на свободный рынок (*market-conformity*) и экономическим ростом. Часто встречается утверждение, что статические режимы производства порождают собственную эффективность, альтернативную эффективности, проистекающей от развития рынков. Так, активная политика на рынке труда, стратегии инвестиций в человеческий и физический капитал и «социальные соглашения» между работодателями и работниками, заключенные под началом государства, могут много больше сделать для преуспевания экономики, чем режимы с большим соответствием свободному рынку. Такие стратегии обеспечивают и равенство, и рост; и рост тогда уменьшает фискальное давление на государство, потому что позволяет государству вырваться из круга долгов и еще в большей степени смягчить неравенство. Некоторые авторы отмечают, что самые активные режимы производства в прошлом создавались в небольших государствах, в значительной степени зависимых от экспорта и импорта. Иначе говоря, в прошлом давление глобализации приводи-

ло к большей, а не к меньшей интервенции на рынках. А в настоящее время по большей части не наблюдается никакой корреляции между интернационализацией экономики и неравенством. Иностранный капитал в настоящее время в страну может привлечь только общий экономический рост, а вовсе не какой-то отдельный режим производства и тем более — уровень неравенства (Boix, 1998; Garrett, 1998; Goodin et al., 1999; Weiss, 1999; Hall, Soskice, 2001; Rhodes, 2001; Swank, 2002). Так, в странах юга высокая степень неравенства приводит явно не к увеличению, а к снижению экономического роста. Даже в одной из «публикаций точек зрения» (viewpoint publication) Всемирного банка (De Ferranti et al., 2004, pp. 11–14) защищается необходимость выделения большего количества средств Латинской Америке, что будет финансироваться за счет поднятия налогов. И в самых развитых странах (где степень неравенства обычно ниже) не проглядывается никакой четкой взаимосвязи между неравенством и ростом (Kenworthy, 2004, ch. 4). Итак, существует несколько способов добиться экономического роста. Страны могут достичь низкого или относительно умеренного уровня неравенства (во всяком случае, не допустить слишком большого усиления неравенства), не жертвуя при этом экономическим ростом. Сила рынка и эффективность рынка — разные вещи. Так, рынки могут поставить в привилегированное положение отдельных сильных акторов, которые в свою очередь создадут более высокий уровень неравенства, но это может никак не быть связано с динамикой экономического роста или даже подорвать в некоторых отношениях эту динамику. Вокруг различия между силой и эффективностью возникла обширная литература, в которой на конкретных фактических примерах изощренно разбирается воздействие иностранных инвестиций, институций, демографической ситуации и рыночных сил на неравенство дохода внутри страны (Burtless, 1995; Tsai, 1995; Gottschalk, Joyce, 1998; Alderson, Nielsen, 1999, 2002; Gustafsson, Johansson, 1999; Kentor, 2001).

К обсуждению вопроса о причинах неравенства доходов принадлежит и дискуссия о причинах различий в степени неравенства между странами независимо от мировых тенденций. Так, в США уровень неравенства чуть ли не вдвое превышает уровень неравенства в Швеции, в Бразилии неравенство в три раза сильнее, чем в Южной Корее, разрыв между доходом квалифицированных и неквалифицированных работников в Мексике вырастает с каждым годом, тогда как в Канаде ничего такого нет и вообще не отмечается никакой «гонки на дно» в налоговой политике внутри стран Организации экономического сотрудничества и развития. Как уже отмечалось (Gottschalk, Smeeding, 1997, p. 636), «есть существенное различие в неравенстве домохозяйств по находящемуся в их распоряжении доходу среди крупнейших стран ОЭСР: самый высокий уровень неравенства отмечается в США, а самый низкий — в Скандинавских странах и странах Северной Европы». Таким образом, несмотря на общемировые тенденции, различия на национальном уровне остаются существенными.

В трудах по сравнительному изучению государственных режимов всеобщего благосостояния наиболее подробно исследуются различия на раз-

ных уровнях. Ученые, ведущие исследования в этой традиции, признают, что самые богатые страны смогли амортизировать экономическое давление последних лет. При этом широко используется трехчастная модель Эспин-Андерсен, трактующая режимы «государств всеобщего благосостояния», согласно которой «либеральный режим» наиболее приспособлен к изменениям рынка, хотя при этом всеобщее благосостояние может быть сильно поражено растущей бедностью. Ведь хотя права признаются универсальными, они не могут в достаточной степени ограничить вызванное рынком неравенство, которое в данной модели считается необходимым для экономического роста. «Социал-демократический режим» распространяет принцип благополучия на все население страны, что в очень большой мере снижает как рыночное, так и гендерное неравенство. Наконец, «консервативно-корпоративный» режим в своих благодеяниях опирается на принципы социального страхования, которое напрямую зависит от прежних вложений (а значит и от доходов), а государству удается гарантировать только некоторые социальные статусы, прежде всего мужчин-кормильцев и женщин-домохозяек. Хотя напрямую «режимы» не имеют в виду перераспределение доходов, многие цели этих режимов и сама вертикальная шкала трансферов косвенно приводят к этому перераспределению. Многие ученые считают, что социал-демократический и консервативно-корпоративный режимы весьма «несговорчивы»: они модифицируют свои программы в случае давления крайне неохотно, но при этом сохраняют свои стратегии всеобщего благосостояния в самом их существе. Только либеральный режим имеет возможность преобразовать экстенсивное усиление благосостояния (Esping-Andersen, 1990, pp. 25–27; Kersbergen, 1995; Pierson, 1998, 2001; Esping-Andersen, 1999, pp. 73–95; Huber, Stephens, 2001, pp. 223–241; Wildeboer Schut et al., 2001; Swank, 2002, 2003)¹.

Но тут возникает вопрос, может ли такая «несговорчивость» продержаться в условиях непрерывного усиления текущего давления. Некоторые исследователи, как мы уже отмечали выше, отдельно отмечают давление глобализации; другие говорят, что экономическое давление только частично связано с глобализацией, точно так же, как растущая безработица и перемещение рабочей силы в сектор услуг — менее производительный, при этом отличающийся большим неравенством и гораздо меньше находящийся под защитой профсоюзов. Некоторые исследователи говорят о демографических факторах воздействия на государственный бюджет — таких как «старе-

1. При этом теория Эспин-Андерсен иногда модифицируется, и внутри консервативно-корпоративного режима начинают различаться «северная» и «южная» (она же «латиноамериканско-средиземноморская») подгруппы. Другие исследователи утверждают, что Австралия и Новая Зеландия не соответствуют этой теории режимов всеобщего благосостояния и представляют отдельный южнополушарный («антиподовский») режим, режим «наемного труда». Некоторые отдельные страны, например, Нидерланды, Италия или Канада, тоже иногда рассматриваются как пример отклонения от своего режима (Castles, 1985; Huber, Stephens, 2001, pp. 85–112, 169–180). Мы широко используем типологию Эспин-Андерсен, отмечая, какие страны выпадают из этой схемы.

ние» населения, увеличение количества домохозяйств, состоящих из одного лица и поэтому менее способных нести расходы на всеобщее благосостояние, вхождение все большего числа женщин в массу рабочей силы (от чего возрастает число применений низкооплачиваемой рабочей силы и увеличивается неравенство между домохозяйствами, где работают оба супруга и где не работает никто) и постепенное вызревание в населении за все это время притязаний на благосостояние (*welfare entitlements*) (см., например, Pierson, 2001; Kenworthy, 2004).

Третий основополагающий факт, также широко обсуждающийся, — это неравенство в доходах не внутри стран, а между странами. Здесь существует два основных подхода. Часть исследователей доказывает, что «разрыв между богатыми и бедными нациями постепенно возрастал с 1965 г.» (Korzeniewicz, Moran, 1997, p. 1029). Многие исследователи относят это событие разрыва к рецессии 1980-х гг. и связывают его прежде всего с режимом высоких процентных ставок в США (Hobsbawm, 1994, p. 407; Baumann, 1998, ch. 4; Arrighi, Silver, 1999, pp. 211–212; Held, McGrew, 2000, p. 29; другую точку зрения см.: Castells, 1998, ch. 2; Goldthorpe, 2002). Гленн Файрбо (Firebaugh, 1999) попытался оспорить эти выводы, хотя в следующей работе признал (Firebaugh, 2000, p. 330), что «высокий уровень неравенства в средних доходах между различными государствами — важный компонент общего неравенства доходов в мире». Даже те ученые, которые отрицают усиление разрыва, признают фундаментальное различие в доходах между севером и югом. Общие тенденции выглядят различно в зависимости от того, какие народы или страны становятся предметом (единицей) анализа. В большинстве южных стран средние доходы ниже в сравнении со средними доходами в большинстве северных стран. Но пример Китая и Индии, двух крупнейших по численности населения стран мира, имеющих и самые высокие показатели роста экономики во всем мире, показывает, что средний доход многих людей на юге хотя бы немного, но приближается к среднему доходу на севере (Korzeniewicz, Moran, 1997; Firebaugh, 1999; Rodrik, 2002; Milanovic, 2003; Dollar, Краау, 2004). Другие исследователи пытаются показать, что сдвиг, который теперь происходит с неравенством дохода внутри страны, вновь обретает некоторую важность как влиятельный фактор в сторону мирового неравенства (Goesling, 2001). Но в этом споре все стороны согласны в одном: неравенство в доходе между странами, прежде всего неравенство между развитым севером и слабо развитым югом — фундаментальное измерение мирового распределения дохода.

2.2. Регионы: теоретическая лакуна

Обсуждение вопроса о неравенстве дохода внутри страны, как и вопрос о неравенстве доходов между странами, хорошо вписывается в устоявшиеся теоретические традиции. Имеются в виду дискуссии по теории между различными видами марксистского анализа (анализ классовой борьбы, теория зависимости, теория миросистем) и классической и неклассической эконо-

мическим моделям. Ни одна из сторон спора не уделяет преимущественного внимания регионам, во всяком случае, регионам как культурно и географически конституированным кластерам наций-государств. Существующая обширная литература либо остается на уровне обсуждения проблем нации-государства, либо рассматривает мир как единое целое. Единственные региональные экономические сущности, которые получили теоретическую разработку, — это «север» и «юг»: если они обозначают не географические, исторические или культурные ареалы, но «развитый» и «слаборазвитый мир». Но можно назвать и примеры работ, в которых более тонко моделируется региональное воздействие на экономику. Такие авторы, как Тсай (Tsai, 1995, p. 480), Альдерсон и Нильсен (Alderson, Nielsen, 1999, p. 624), моделируют региональные различия как важный момент воздействия прямых иностранных инвестиций на неравенство доходов. Тсай просто говорит, что важно учитывать специфику региона, Альдерсон и Нильсен (Alderson, Nielsen 1999, p. 624) пытаются доказать, что нужно иметь в виду «сложное переплетение базовой модели и временного инварианта, специфических для региона факторов, запаса прямых иностранных инвестиций — все это в совокупности оказывает устойчивое воздействие, усиливающее неравенство дохода». Но хотя в обеих процитированных работах признается необходимость учитывать региональную ситуацию, в них нет никаких попыток сделать региональные эффекты частью теоретического анализа.

В литературе по сравнительному изучению государств «всеобщего благосостояния» (государств с широкими социальными программами) этот вопрос ставится напрямую. Вообще, понятие «государство всеобщего благосостояния» и особенно схема Эспин-Андерсен прекрасно подходят для этих целей и поэтому служат отправной точкой нашего анализа. Но проблема в том, что теоретическая аргументация этих ученых остается на уровне базовых институциональных рамок — изучения различных режимов на уровне национальных государств (о чем кратко мы уже сказали выше).

По мнению исследователей, государства всеобщего благосостояния более эгалитарны, поскольку располагают институтами, распоряжающимися доходом должным образом. Это положение фундаментально, если характеризовать уровень нации-государства и соответствующие классовые структуры. Но эта схема совершенно не учитывает региональные кластеры этих государств. Мы постараемся поставить регионы (особенно имея в виду их культурную конституцию) в центр анализа неравенства. Наш ключевой довод состоит в том, что характеризовать режимы неравенства в отдельной стране можно только с учетом политической институционализации культуры всего макрорегиона, к которому эта страна принадлежит. Мы согласны, конечно, что культура — это только одно из обстоятельств неравенства доходов. Мы согласны и с утверждением, высказанным в одной из статей, посвященных положению дел в Латинской Америке (De Ferranti et al., 2004, p. 22), что неравенство производно от «экономических процессов... опосредованных социальными и политическими институтами, которые нужно понимать широко, включая в их число правила и нормы поведения в обществе».

Латинская Америка	Восточно-азиатский регион	Южно-азиатский регион	Страны англоговорящего ареала	Скандинавские страны	Страны европейского континента
Аргентина	Гонконг	Бангладеш	Австралия	Дания	Австрия
Боливия	Япония	Индия	Канада	Финляндия	Бельгия
Бразилия	Южная Корея	Индонезия	Новая Зеландия	Норвегия	Франция
Чили	Тайвань	Малайзия	Великобритания	Швеция	Германия
Колумбия		Таиланд			Италия
Эквадор			США		Нидерланды
Гайана					Испания
Мексика					Швейцария
Перу					
Уругвай					
Венесуэла					

Рис. 1. Определение макрорегионов

Мы будем говорить об этом систематически, с опорой на модель четырех «источников социальной власти»: идеологический, экономический, военный и политический (Mann, 1986, ch. 1).

3. МЕТОД

Начнем анализ со статистических выкладок по шести макрорегионам. Далее попытаемся объяснить различия, представив их как производные конкретных исторических процессов. Рассматриваемые макрорегионы представляют собой кластеры стран с общими культурными чертами, ни на что не похожими, но при этом вполне объяснимыми исторически. Как показывает рис. 1, эти страны расположены в шести регионах: Латинской Америке, Восточной Азии, Южной Азии, англоговорящем мире, североевропейском (скандинавском) мире и на европейском континенте. Три региона (англоговорящий, Латинская Америка и Скандинавия) пользуются общими языками или сходной группой языков. Еще два региона из оставшихся (европейский континент и Восточная Азия) в настоящий момент имеют общую политическую культуру. Европейский континентальный регион после Второй мировой войны отличает преобладание христианско-демократической / социал-демократической политической культуры, тогда как страны Восточной Азии следуют модели ускоренного политического и экономического развития. В Южной Азии, наоборот, культурные различия велики внутри самих стран — о них можно говорить как о многоэтнических образованиях, паттерны неравенства в которых следует рассматривать с привлечением дополнительных методов.

4. ДАННЫЕ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теперь обратимся к текущему положению дел. Экономическое неравенство может быть неравенством богатства или неравенством дохода. Мы будем говорить только о неравенстве дохода: во-первых, по этому вопросу больше сравнительных данных, во-вторых, большая часть изменений в последние годы касалась распределения дохода (Atkinson, 2003, p.488). Основные данные возьмем из информационной базы ООН по неравенству доходов в мире (WIID), которая составляется на основании статистики по отдельным странам, приведенной в соответствие с коэффициентом Джини. При этом используется кривая Лоренца, показывающая распределение национального дохода в отношении на каждую десятую часть населения. В случае полного равенства кривая Лоренца превращается в диагональ, так как каждая следующая десятая получает на 10% больший доход. При таком полном равенстве каждая десятая и потребляет пропорционально свою долю дохода, так что нижние 10% будут потреблять 10% дохода и т.д. Но в реальности кривая Лоренца напоминает оборотно записанную букву L. Это означает, что нижняя десятая при распределении дохода не потребляет свою часть дохода. Скажем, нижние 60% населения потребляют только 40% дохода, а не 60%. Коэффициент Джини позволяет обозначить такое неравенство неким простым коэффициентом, который представляет собой отношение площади, образующейся между кривой Лоренца и диагональю совершенного равенства, ко всей площади под этой диагональной линией совершенного равенства (технические подробности см.: Atkinson, 1975, pp.45–46). Такой способ измерения неравенства удобен тем, что он широко используется и легко поддается интерпретации, особенно в числовом выражении индекса Джини: если индекс растет, увеличивается неравенство доходов. Минимальное значение индекса Джини составляет около 0,25, а максимальное — 0,60.

Конечно, трудно сравнивать результаты, полученные в разное время с применением различных методик. До сих пор вспыхивают дискуссии вокруг альтернативных способов замера и примеров и предпринимаются попытки введения нового международного стандарта измерения, поскольку индекс Джини слишком упрощенно воспроизводит действительное распределение дохода: сходный профиль может отвечать различным моделям распределения дохода. Так, замеры бедности часто вскрывают неучтенные факты и тенденции распределения. Тем не менее индекс Джини позволяет наиболее наглядно и просто представить такое общее явление, как неравенство. Точно так же и данные базы ООН WIID используются широко, хотя они никогда не бывают исчерпывающими, и их качество и категориальное построение иногда вызывают вопросы. Считается, что эти данные гораздо адекватнее для анализа тенденций во времени внутри отдельных стран, чем для сравнения стран, при котором можно внести множество неточностей и ошибок. Мы сравниваем группы стран, и такие ошибки могут снизить вероятность нахождения действительной сплоченности стран в макро-регионы. Мы берем ответственность за то, что нашли эти регионы, только

потому, что уточнили метод. По большей части мы рассматривали данные базы WIID как корректные, но в некоторых случаях сочли уместным усомниться в их качестве. Скажем, данные по Латинской Америке собирались только в городах, но такой подход может быть оправдан только в отношении стран с высоким уровнем урбанизации. В таких случаях нам приходится сравнивать все данные по стране с качественными данными и смотреть, нет ли между ними существенных расхождений.

Мы отбирали данные по домохозяйству/ семье как по единице получения дохода. На первый взгляд, различие между домохозяйством и семьей незначительно. Большинство исследователей, занимавшихся неравенством доходов, строили свои доказательства на чистом доходе, но различие между суммарным (брутто, gross) и чистым (нетто, net) доходом в некоторых случаях нас тоже интересовало, особенно при оценке роли государства в различных регионах. Тогда мы представляем статистическую роспись суммарного и чистого дохода. Тем более что значительная часть нашего анализа строится на данных о неравенстве по суммарному доходу, предоставленным WIID. Для определения суммарного дохода в странах Южной Азии мы привлекли опросы по расходам домашних хозяйств. Исследователи предполагают, что расходы распределяются с меньшей степенью неравенства, чем доходы. Последовав процедуре Корниа (Cornia, 2001, p. 19), когда нужно было решить ту же проблему на основе тех же данных, мы скорректировали индекс Джини на семь пунктов вверх, что позволило включить в наше исследование данные по Индии, Малайзии и Индонезии. Также мы дополнили данные WIID данными о распределении доходов на производстве, собранными в рамках проекта Техасского университета по исследованию неравенства (The University of Texas Inequality Project) (UTIP, 2000; о нем см.: Galbraith, Kum, 2005). Техасский университет собирал данные не путем опроса индивидов или домохозяйств, но через изучение работающих предприятий. Поэтому проект включал только коэффициент Джини «на входе», рассчитанный по статистике Тэйла (Т-статистике). Он выстраивается из неравенства выплат на рынке труда до массированного вмешательства государства, поэтому оказывается ближе к данным WIID по суммарному доходу, чем к тем же данным по чистому доходу, и это расширяет наши возможности различать рыночные и государственные детерминанты состояния неравенства. Итак, картина неравенства дохода, выводимая из данных WIID по суммарному доходу, для наших целей не будет заметно отличаться от картины, выводимой из данных UTIP, поэтому ссылаться на данные UTIP мы будем только тогда, когда они будут сильно расходиться с выводами, полученными на основе данных WIID.

На рис. 2 представлено два ряда схем². Схемы типа «ящик с усами» показывают медиану коэффициента Джини, полный диапазон коэффициентов

2. Таблица представляет описательную статистику и наблюдения по странам и состоит из графиков распределения диапазонов (box-plots, диаграммы типа «ящик с усами»). Под ней приведены данные UTIP. Таким образом, читателю представлены данные и по суммарному (данные WIID), и по чистому (данные UTIP) доходу. Таблица составлена по заказу Дилана Райли.

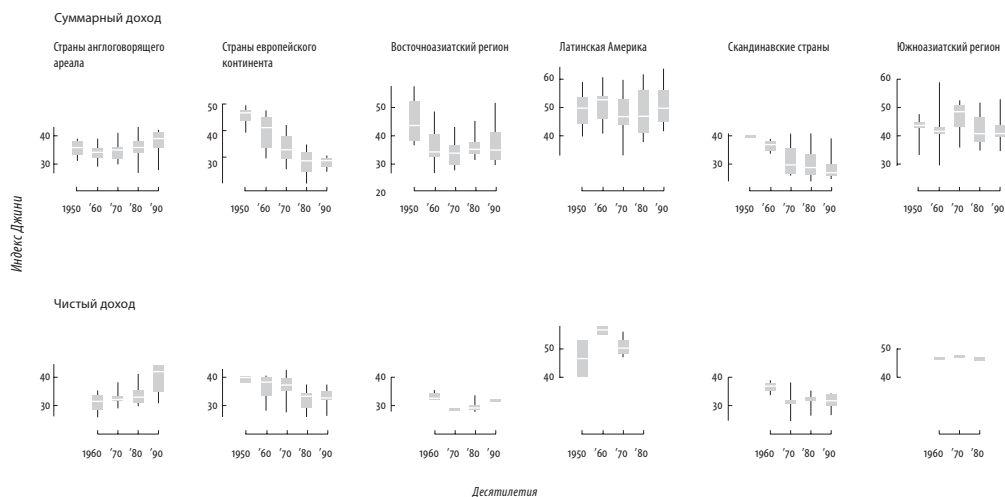

Рис. 2. Индекс Джини по данным WIID

Джини и любые «выбросы» (резко отличающиеся значения) по каждому десятилетию. Схемы составлены по обоим замерам WIID. Кратко прокомментируем данные по каждому макрорегиону.

Латиноамериканские страны продемонстрировали величайший уровень неравенства за последние 50 лет: каждое десятилетие коэффициент Джини скакал от ~0,45 до ~0,55. Данные по чистому доходу домохозяйств, предоставленные WIID, мало отличаются от данных по суммарному доходу домохозяйств, особенно если учитывать, что государства в Латинской Америке не ставят целью перераспределить доход в сторону уменьшения неравенства. Никаких особых тенденций здесь не намечается, хотя данные UTIP и показывают некоторое усиление неравенства в 1980-е гг., которое начало сглаживаться в 1990-е гг. Все это показывает, что в последнее время давление в сторону роста неравенства проистекает по большей части из рыночной ситуации, а не из государственных решений. Конечно, многие исследователи и целые исследовательские институты отмечали, что Латинская Америка — лидирующий по степени неравенства доходов регион в мире (Deininger, Squire, 1996; Inter-American Development Bank, 1999; Morley, 2001; De Ferranti et al., 2004).

Согласно изученным нами данным, *страны Южной Азии* — вторая по степени неравенства группа стран, где коэффициент Джини по суммарному доходу домохозяйств колебался каждое десятилетие от ~0,40 до ~0,50. У нас нет данных по чистому доходу, но, во всяком случае, данные UTIP подтверждают выводы, сделанные по паттерну суммарного дохода. В 1970-е гг. уровень неравенства плавно возрастал, тогда как позднее в большинстве государств

региона наметился спад. Вообще, этот регион весьма пестр по составу входящих в него государств. Движение к уравниванию доходов началось с 1950-х гг.: большинство стран именно в это время вступило на путь индустриализации. Почти везде коэффициенты Джини по неравенству чистого дохода после 1950 г. держались на уровне 0,30. Схема, предоставленная WIID, показывает отсутствие каких-либо средне- и долгосрочных тенденций, но данные УТИР говорят о тенденции в форме буквы U в диапазоне 1970–1990-х гг., особенно в Гонконге и Тайване, где новейшие тенденции давления рынка встретили организованное сопротивление правительств.

Необходимо отметить, что эти два наименее развитых региона мира показывают различные паттерны и что не существует единого «южного» паттерна. При этом первый же «северный» регион, англоговорящий, в этом отношении оказался поразительно сходен с Восточноазиатским регионом. Коэффициент Джини по суммарному доходу домохозяйств оказался на том же уровне, хотя с 1960-х гг. наблюдается едва заметное его увеличение (данные УТИР позволяют уточнить, что больше всего неравенство усилилось в 1980-е гг., а потом, в 1990-е гг., кривая стала снижаться, за исключением США и Новой Зеландии, где продолжает увеличиваться разрыв в заработках на производстве). Что касается чистого дохода домохозяйств, то здесь разрыв сильнее, и усиление разрыва по чистому доходу в 1990-е гг. оказалось более рельефным, чем по суммарному доходу. Это может означать, что страны англоговорящего региона сейчас менее «зацеплены» на распределение доходов.

Этот регион в 1950-е гг. начинал с самой низкой степени неравенства среди всех регионов, но потом неравенство постепенно усиливалось. В этот период страны континентальной Европы узнали устойчивое снижение неравенства суммарного дохода и более мягкое снижение неравенства чистого дохода домохозяйств. Данные УТИР, к нашему удивлению, стоят ближе к последнему паттерну, при этом значительно варьируя от страны к стране: Австрия, Италия и Нидерланды воспроизвели паттерн в форме буквы U — высокая степень неравенства пришлась на начало 1970-х гг. и на 1990-е гг. В Испании острота неравенства стала снижаться в 1980-е гг., и эта тенденция и далее была довольно ровной, тогда как в Германии неравенство в 1990-е гг. даже несколько усилилось. Баланс всех данных по 1990-м гг. показывает весьма ограниченную тенденцию роста неравенства, тогда как до этого все эти страны больше приближались к среднему коэффициенту равенства.

Североевропейский регион стал самым «равным» из всех регионов уже в 1970-е гг. В 1990-е гг. в нем не было даже попытки приблизиться к прежнему уровню неравенства, хотя данные УТИР показывают легкую тенденцию усиления неравенства начиная с 1980-х гг., которая и привела к кратковременной вспышке неравенства в Норвегии в начале 1990-х гг. и в Швеции в конце 1990-х гг. Последнее, вероятно, доказывает, что давление рынка труда действовало против режима высокой степени равенства, но государственные власти смогли оказать должное сопротивление, проводя удачную налоговую и социальную политику.

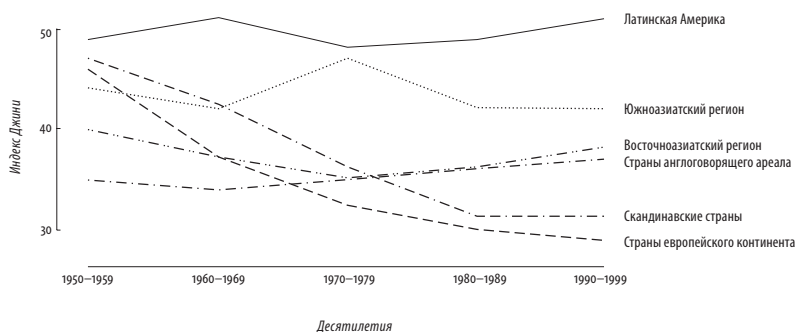

Рис. 3. Средний индекс Джини по макрорегионам (суммарный доход домохозяйства по данным WIID)

Источник: Университет ООН, Всемирный институт развития экономических исследований (2000).

Чтобы с большей надежностью показать единство каждого из макрорегионов, приведем еще два графика. Первый представляет линейную зависимость (рис. 3) средних значений индекса Джини по суммарным доходам домохозяйств за последние пять десятилетий, по данным WIID. Рисунок показывает не просто отсутствие конвергенции среднего национального уровня индекса Джини между этими регионами, но даже некоторую дивергенцию. Мы видим, что в Латинской Америке, в англоговорящем и восточноазиатском регионах неравенство дохода усилилось, тогда как в Североевропейском, Южноазиатском и Континентально-европейском регионах доходы несколько выровнялись. Воспользуемся анализом вариаций (AB, ANOVA) (табл. 1), что позволит обозначить вариации различий внутри группы и между группами. К сожалению, у нас не было достаточных данных, чтобы произвести AB чистого дохода, поэтому наш AB ограничен суммарным доходом домохозяйства или семьи по данным WIID. Мы хотели проверить, действительно ли существуют макрорегиональные тенденции. При AB вариации измеряются как сумма квадратов. Общая вариация образуется из суммы квадратов вариаций между группами и суммы квадратов вариаций внутри группы. Средняя сумма квадратов — отношение общей суммы квадратов к степеням свободы. Схема показывает, что вариация объясняется степенью свободы.

Статистика F получается путем деления средней суммы квадратов различий между группами на среднюю сумму квадратов различий внутри группы. Такая статистика помогает определить, не являются ли различия между группами случайно возникшими³. Проведенный анализ демонстрирует зна-

3. Распределение статистики F может быть употреблено для проверки «нулевой гипотезы», согласно которой примеры должны браться при тождестве размещения населения. Если значение P меньше 0,05, можно отвергнуть нулевую гипотезу, исходящую из данного тождества. Именно такие значения мы и определяем как P-значения. Но, строго говоря, в данном случае речь не может идти об «образцах», поэтому статистика дополнительных обстоятельств здесь неуместна.

Таблица 1. Анализ вариаций по индексам Джини неравенства национального суммарного дохода домохозяйства между макрорегионами и внутри макрорегионов

Годы	Вариации	Сумма квадратов	Степени свободы	Средняя сумма квадратов	F-статистика
1950–1959	Между регионами	2721,94	5	544,39	33,98*
	Внутри регионов	1569,97	98	16,02	
	Суммарная переменная	4291,91	103		
1960–1969	Между регионами	5654,96	5	1130,99	41,98*
	Внутри регионов	3771,38	140	26,94	
	Суммарная переменная	9426,34	145		
1970–1979	Между регионами	7797,84	5	1559,57	64,94*
	Внутри регионов	4346,61	181	24,01	
	Суммарная переменная	12 144,45	186		
1980–1989	Между регионами	9899,81	5	1979,96	77,44*
	Внутри регионов	4525,34	177	25,57	
	Суммарная переменная	14 425,15	182		
1990–1999	Между регионами	11 662,61	5	2332,52	107,28*
	Внутри регионов	3413,45	157	21,74	
	Суммарная переменная	15 076,07	162		

Источник: Университет ООН, Всемирный институт развития экономических исследований (2000).

Примечание: * (P) < 0,01.

чительные различия между средними значениями макрорегионов за все рассматриваемые десятилетия. Вся статистика F округлена до 0,01. И далее эти различия не исчезают в течение всех этих десятилетий. Анализ позволяет предположить, что макрорегионы устойчиво имеют различные уровни неравенства дохода внутри страны.

Такое рассмотрение позволило прийти к трем выводам. Первый: выделенные нами макрорегионы действительно различны по показателям средних коэффициентов Джини. Более того, эти показатели очень устойчивы во времени. Второй: при анализе только противопоставления «севера» и «юга» недостаточно. Паттерны неравенства дохода весьма различаются и на «севере», и на «юге». Третий: в настоящее время не наблюдается значимой конвергенции в сторону единого глобального паттерна неравенства доходов. Нам удалось обнаружить устойчивые, хотя и не вполне статичные, макроре-

гионы на севере и юге. Приведенные доказательства позволяют утверждать, что степень неравенства дохода внутри страны в первую очередь определяется принадлежностью страны к макрорегиону.

5. КАК ОБЪЯСНИТЬ НЕРАВЕНСТВО ДОХОДОВ МЕЖДУ МАКРОРЕГИОНАМИ

Итак, можно ли как-нибудь объяснить эти различия между макрорегионами? В литературе, посвященной сравнению неравенства доходов в разных странах, часто утверждается, что различие определяется особенностями страны, региона и исторического периода. Мы предлагаем другой подход, отчасти заранее обобщая, что в разных регионах могут действовать различные каузальные механизмы. Далее будет доказано, что существует четыре источника социального неравенства: идеологический, экономический, военный и политический. Эти источники соответствуют четырем видам социальной власти, выделенным Манном (Mann, 1986, ch. 1). Вкратце рассмотрим общее значение каждого из источников, а затем перейдем к более детальному изложению исторических траекторий в каждом регионе.

1. Власть идеологий связана с неравенством двояко. Такие основополагающие идеологии, как либерализм, социализм и христианство, распространились по всему миру, взаимодействуя с локальными идеологиями и порождая «само собой разумеющееся» принятое в данном регионе понимание «наилучших практик». Идеологии формировали политику государств, организацию предприятий и те типы неравенства, с которыми мирится население. Нельзя забывать и о том, что идеологии меньше привязаны к государству, чем другие формы власти, и что они поэтому легко пересекают государственные границы. Второе: идеологии могут определять паттерны групповой закрытости, скажем, кастовое, национальное или расовое разделение, формирующее основание неравенства.
2. Отношения экономической власти также очень важны, что вполне доказано теми же исследователями. Некоторые исследователи рассматривают их в перспективе глобального рынка, но тем не менее различные формы классовых компромиссов, на которых настаивают внутри страны, могут оказаться решающими для полноценного понимания полученных результатов.
3. Отношения военной власти выражались в колониальных завоеваниях, мировых войнах и антиколониальных восстаниях — все это сформировало начальные параметры неравенства в 1950–1960-е гг. Но даже в эпоху относительного мира между народами, которая за этим последовала, геополитические отношения власти продолжают играть свою роль — особенно это заметно в том влиянии, которое оказывает США на развитие латиноамериканских паттернов неравенства.
4. Отношения политической власти остаются важными по причине глобального распространения модели нации-государства: в мире существует уже

более 190 политических образований, которые заявили суверенитет над своими территориями во имя народа или нации. Суверенитет подразумевает и политику формирования паттернов неравенства, которые могут сильно варьироваться от страны к стране. Необходимо учитывать и различие политических институтов. Степень централизации государства и наличие избирательной системы, подразумевающей многопартийность и пропорциональное представительство, весьма сильно влияют на общее благополучие в положительную сторону (Swank, 2002), а значит, способствуют большому равенству доходов.

Теперь посмотрим, как именно эти четыре источника неравенства взаимодействуют, порождая уровни и тенденции неравенства, рассмотренные выше.

5.1. Латинская Америка

Латинская Америка, по выводам многих исследователей, — регион, отмеченный самым большим неравенством. Верхние 5% при распределении дохода в Латинской Америке вдвое больше по доле, чем в странах Северной Европы, и на 60% выше, чем в Восточной Азии.

Исходя из чего мы можем понять специфику этого региона? Идеологически в этом регионе национальная идентичность развивалась только «на поверхности», что обусловило хищное поведение элит и небольшую степень социальной солидарности. В то же время Латинская Америка отличается на удивление небольшой мерой групповой закрытости: почти не наблюдалось конфликтов между туземным населением и иммигрантами из Европы. Экономически концентрация больших землевладений в одних руках усиливала неравенство, равно как и огромный рост теневой экономики. В военном отношении весь регион зависим от США. Политически он представляет собой совокупность слабых государств, неспособных ни к быстрому развитию, ни к обеспечению надлежащего распределения. Такой высокий уровень неравенства коренится в присвоении земли во время завоевания. Небольшая элита испанских и португальских конкистадоров, аристократов и купцов, захватила обширные землевладения, богатые шахты и успешные ресурсы торговли, эксплуатируя тех туземцев, которые не погибли в сражениях, или ввозя рабов. Конкистадоры встали у основания олигархии, контролировавшей постколониальные государства, а иммигранты из Европы впоследствии образовали средний класс. Различия между потомками туземцев, африканских рабов, обычными работниками, приехавшими из Европы, и правящей олигархией всегда были очень большими и остаются такими до сих пор. Различия между странами определяются этническим фактором, который оказывается весьма действенным (De Ferranti et al., 2004, ch. 4). Высокий уровень неравенства институционализируется из-за исконно олигархического устройства государств, поощряющего патримониальность: отношения между выше- и нижестоящим как имущественно обусловленные отношения патрона и клиента. Если говорить о бюджете, то эти государства исторически невелики, и военная сила обычно исполь-

зовалась только для подавления внутренних волнений—за всю историю было всего несколько небольших войн. На всем южноамериканском континенте исповедуется католицизм, и во всех странах, кроме Бразилии, говорят по-испански. Таким образом, можно говорить скорее о культурных пересечениях на континенте, чем о культурном взаимодействии. Кроме того, этническая пестрота внутри каждой страны ослабляет сплоченность страны как нации (нации-государства) (Centeno, 2002).

Чем более эффективно действовали эти государства, тем больше обострялось неравенство дохода—во всяком случае, тенденция всегда была такова. Господствующие классы и группы интересов преуспели в том, чтобы вытягивать из страны все соки, тогда как универсальная политика социального благоденствия редко где находила себе место (главное исключение—Коста-Рика). Патримониальные порядки в государствах и сейчас работают на усиление неравенства в Латинской Америке. Например, в развитии образовательной системы основной упор делается на среднее специальное и высшее образование (в противоположность Восточной Азии, где наибольшее внимание уделяется начальному и среднему образованию). Несмотря на усиленное финансирование образования, вложения в образование в 1990-е гг. возросли. Как пишет Морли (Morley, 2001, p. 52), «дифференциал белых воротничков значительно снизился везде, кроме Латинской Америки, где он резко вырос сейчас после 1988 г., несмотря на рост доли выпускников колледжей и высших учебных заведений». Таким образом, вложения в образование определяются не действием рыночных сил, скорее наоборот, люди с высоким уровнем образования извлекают ренту из своей образованности, а государство играет активную роль в их перепроизводстве.

Региональные, этнические и классовые различия остаются большими, значительная часть населения не имеет постоянной работы в городской индустриальной сфере. Неучастие в двух мировых войнах было очень важно, потому что господствующим классам и этническим группам не было нанесено никакого ущерба извне, а значит, они смогли отклонить масштабную реформу в сторону создания «социального гражданского общества», которая обычно следовала в Европе и в Азии за разрушениями в результате мировых войн. В середине XX в. все попытки ускорить экономическое развитие сводились к созданию обширного внутреннего рынка путем защиты внутреннего рынка и относительного уравнивания зарплат в индустриальном и общественном секторах. Для этого государственные власти поддерживали импорт, вводили протекционистские таможенные тарифы и национализировали крупные предприятия. Социальное государство, в отличие от пути Великобритании, получилось наполовину универсалистским, наполовину секторным. Государственные власти расширяли привилегии работников современной индустрии, часто за счет работников аграрного и маргинального секторов. Таким образом, они действовали в качестве патронов, распределяя ресурсы между своими клиентами внутри более модернизированных секторов, учитывая позицию профсоюзов на крупных производствах и совершенно пренебрегая отсталыми секторами.

В не раз уже цитировавшейся нами работе (De Ferranti et al., 2004) подчеркивается «полновесность истории» в Латинской Америке. А если быть точнее, все историческое развитие этих стран не разрешилось глубоким кризисом, который помог бы преодолеть давным-давно порожденное завоеванием неравенство доходов. В конце 1970-х гг. казалось, что некоторые из этих стран, прежде всего Бразилия, собираются порвать со своей исторической инерцией, чтобы достичь роста экономики и покончить с острым неравенством. Но здесь вмешались геополитические факторы. В геополитическом отношении Латинская Америка повинуетя Соединенным Штатам Америки. Борясь против тяги к социализму, США поддерживали (часто с применением военных средств) латиноамериканских олигархов и их режимы неравенства. Только кризис, связанный с внешним и внутренним долгом, заставил США поспособствовать свертыванию патримониальных порядков, предложив этим странам неолиберальные реформы, благоприятные для развития свободного рынка. Рост цен на нефть в начале 1970-х гг. создал огромные резервы нефтедолларов, размещенных в банках США. Финансовые требования сверху сделали бессмысленными инвестиции в условиях длительного экономического спада, и таким образом банки свободно перемещались в развивающиеся страны с низкими процентными ставками, и больше всего — в Латинскую Америку. Но в 1979 г. США внезапно резко повысили процентные ставки, чтобы затормозить инфляцию, а в начале 1980-х гг. бремя внешнего долга в пользу Латинской Америки повысилось с 33 до 100 % ВВП (Stallings, 1992, pp. 58–63; Fourcade-Gourinchas, Babb, 2002, p. 557). Международные финансовые институты, в которых доминировало влияние США, настаивали на новых кредитных условиях как средстве выхода из кризиса, а они подразумевали неолиберальную структурную перестройку экономики, при которой неравенство быстро обострится.

Но суверенные государства этого региона вели собственную политику, и ни одно из государств (в том числе Чили в правление Пиночета) не приняло весь пакет неолиберальных реформ. Все государства стремились защитить свои ключевые позиции в организации экономики, гарантировав социальные права всем гражданам. В Бразилии намечалось движение к расширению гражданских и экономических прав (Ferreira, Litchfield, 1996; Baumann, 2001). Но в целом, как мы уже только что сказали, меры по структурному реформированию усилили неравенство (хотя исследователи спорят, насколько ощутимо), особенно в связи с реформой банковской сферы (Bulmer-Thomas, 1996; Panuco-Laguette, Szekely, 1996; Berry, 1998; Ocampo et al., 2000; Morley, 2001, pp. 46–50, 84–86; De Ferranti et al., 2004).

Итак, мы связываем легкое усиление неравенства на южноамериканском континенте в 1980-е гг. с началом неолиберальных реформ под давлением США, а последующие умеренные тенденции в сторону конвергенции в 1990-е гг. считаем сложным запоздалым ответом на эту ситуацию. Слабые страны Латинской Америки под давлением американского либерализма обнаружили раскол в экономических позициях: классы собственников настаивали на политике обуздания инфляции путем ограничения бюджетного дефицита

та и развития внешней торговли путем ее либерализации и большего ориентирования всей экономики на экспорт (Bulmer-Thomas, 1996, pp.10–12), тогда как политики сопротивлялись такому «снятию» мер социальной защиты с «клиентов», включавших работников общественного сектора и профсоюзных активистов. Бюджетная и коммерческая политика, приобретшая некоторое международное значение, часто двигалась навстречу требованиям неолиберализма, но при этом государственное благосостояние и трудовая занятость росли медленно или вообще не показывали признаков роста, особенно в провинции. Политическая борьба вокруг отдельных неолиберальных реформ характеризовала политическую жизнь этих стран за последние два десятилетия, а сложившаяся в результате этой борьбы политическая конфигурация только усиливает неравенство.

Латинская Америка оказалась очень чувствительна к двум очень важным источникам неравенства: исторически сложившийся принцип неравенства, коренящийся в давнем социальном порядке после завоевания и движение в сторону неолиберальных реформ начала 1980-х гг. Регион оказался довольно податлив в отношении к этим реформам из-за своей геополитически обусловленной зависимости от США и слабости национальных движений и государственного аппарата.

5.2. Южная Азия

График неравенства по Южной Азии показывает, что это область с очень высоким уровнем неравенства, но достаточно преуспевшая в его снижении за последние полвека. Если говорить о степени неравенства, то наибольшее сходство мы видим с Латинской Америкой, но тенденции здесь будут совсем иные. Так, если мы вспомним все четыре источника неравенства, то увидим несходство всех четырех на глубинном уровне с опытом Латинской Америки. В Южной Азии есть и стройные формы постколониального национализма, и развитые восходящие к древним временам паттерны социальной закрытости, связанные с религиозными требованиями, прежде всего кастовой структурой общества. С экономической стороны распределение земли в Южной Азии всегда было более эгалитарным, чем в Латинской Америке: все знают, что в Индии значительную часть населения составляют мелкие землевладельцы, самостоятельно обрабатывающие землю. В военном отношении регион практически независим от США. В частности, Индия обладает ядерным оружием, неуязвимым для американцев. И наконец, политически в регионе доминируют активно развивающиеся государства, которые ставят целью свести на нет некоторые бывшие формы неравенства, в том числе кастово обусловленные.

Наши данные, получившие дополнительное подтверждение (см.: Dollar, Кгау, 2004), показывают, что степень неравенства доходов в этом регионе достигла пика в начале 1980-х гг., а в конце 1980-х — начале 1990-х гг. коэффициент Джини, напротив, несколько снизился. Но пока неясно, как такие результаты связаны с долговременными эффектами кривой Смита и неуклонной политикой постепенной либерализации.

Южноазиатский регион не такой монолитный, как другие. Страны, его составляющие, отличаются от стран Восточной Азии более поздним развитием и значительными различиями между географическими областями и этносами внутри каждой страны. Единственным исключением здесь является Малайзия, которая должна считаться би-, а не полиэтнической. Все эти факторы способствуют сохранению неравенства и не дают нациям и гражданам сплотиться. Конечно, под влиянием соседних стран Восточной Азии эти страны сознательно усваивают некоторые «программы» из их пакета мер по развитию. Первоначально в этих государствах преобладал протекционизм, они в большей степени опирались на внутренние финансовые ресурсы, чем страны Латинской Америки, и обычно субсидировали экспортеров — исключение составляет Индонезия (см. пояснения в кн.: Rowen, 1998; Chan et al., 1998). Такие противоречивые тенденции делали непредсказуемым ответ стран на давление экономического неравенства.

Во всем Южноазиатском регионе Индия вызывает наибольший интерес как самый показательный случай неравенства. В Индии было два сильнейших источника неравенства: религиозное кастовое и экономическое классовое разделение. Исторически на полуострове существует два типа кастового деления: система варн и система джати (Deshpande, 2000, p. 322). Обе системы представляли собой формы социальной закрытости — каждой группе назначался особый род занятий и особое место в социальной иерархии. Система джати отличается большей региональной вариативностью и вообще менее жесткая, чем система варн. Еще в 1960-е гг. в сельских районах представители низших каст жили вне деревни в «хижинах из глины и соломы, лепившихся друг к другу в центре их рисовых полей» (Béteille, 1977, p. 39). Тщательно был разработан ритуал отличия и социальной отделенности брахманов от остальных каст (Béteille, 1977, p. 41). В постколониальном индийском государстве были предприняты значительные усилия по преодолению кастового разделения: была установлена «защитная дискриминация» для определенных каст (неприкасаемых, *scheduled castes*). Эти попытки увенчались принятием конституции, гарантировавшей действительное гражданское равноправие (Béteille, 1983, p. 79).

Многие исследования подтверждают, что кастовое неравенство за последние 50 лет постепенно сильно ослабло. Во многом это ослабление связано с появлением новых видов трудовой занятости, что подорвало экономические основания кастовой системы. Скажем, работы на селе сейчас выполняются специальными трудовыми группами, а не сложной системой распределения обязанностей, которая требовала четкого соответствия каждого участника своей касте. Появление организованного труда на селе, конечно, не вполне надежно экономически, но тем не менее это путь к равенству в стране, потому что «в сельском хозяйстве больше всего проявлялась чуждость друг другу различных каст» (Jayaraman, Lanjouw, 1998, p. 15). Так, в деревне Паланпур представители низшей касты мурао, вкладывая все силы в сельское хозяйство, стали богаче, чем представители бывшей высшей касты такуров (Jayaraman, Lanjouw, 1998, pp. 37–38). Дальнейшая рыноч-

ная интеграция Индии, идущая быстрыми темпами, позволит резко снизить неравенство доходов, во всяком случае, в сельскохозяйственном секторе экономики.

В Южной Азии существуют более эффективные государственные системы и одновременно более закоренелые культурные формы неравенства, чем в Латинской Америке. Все это заставляет с оптимизмом смотреть на перспективы преодоления неравенства в этом регионе. В частности, современная Индия — независимое и активно развивающееся государство, и усиление индийского рынка приводит к уменьшению хотя бы некоторых форм неравенства.

5.3. Восточная Азия

Восточноазиатский регион отличается средним уровнем неравенства: уровень неравенства здесь ощутимо ниже, чем в Латинской Америке и Южной Азии, но выше, чем во всем остальном развитом мире, за исключением США. В идеологическом отношении в странах Восточной Азии господствует иерархическая и одновременно коммунитарная модель построения общества. С экономической точки зрения, большинство государств в этом регионе провели экстенсивную реформу на всей территории (в отличие от стран Латинской Америки и Южной Азии). В военном смысле регион зависим от США, но США не в силах навязать свои модели экономического развития или политического устройства этим странам. Политически этот регион можно назвать регионом эффективно действующих и активно вмешивающихся в экономику правительств.

Индекс Джини для стран Восточной Азии остается довольно низким благодаря планомерному вмешательству государства в экономику и отсутствию в культуре идеи законности неравенства. Так, японское Министерство внешней торговли и индустрии и аналогичные учреждения в Корее и Тайване вкладывают частные сбережения в отрасли промышленности, конкурентоспособные на мировом рынке, добиваясь роста экспорта и увеличения доли рынка в каждой из этих областей, хотя бы для этого пришлось жертвовать краткосрочной выгодой. Это подразумевает высокую долю сберегаемых средств и низкий уровень внутреннего потребления — это прямая противоположность модели зависимости от импорта. Такая суровая политика была воспринята обществом и культурой, что говорит о глубинном запросе на экономическое равенство (Johnson, 1982, 1995, p. 65).

Все эти государства унаследовали устойчивые бюрократические традиции, которые, в частности в культурном отношении, поддерживаются в местных университетах (Evans, 1995, pp. 47–60). Государственные управленцы могут чувствовать себя не связанными внешним долгом, равно как и требованиями неоллиберализма, в отличие от своих латиноамериканских коллег. Они ограничивали влияние международных рынков капитала, во всяком случае, до либерализации этой сферы в Корее в середине 1990-х гг., что во многом способствовало азиатскому экономическому кризису 1998 г.

(Gowan, 1999; Brenner, 2002). Текущее усиление демократии никак не подрывает стремления государства снизить уровень неравенства, поскольку здесь считается, что и демократия, и равенство приветствуются большинством избирателей.

Большинство государств и культур Восточной Азии хранят свои коллективистские и при этом иерархизированные институты, которые иногда некорректно называют конфуцианскими. Однако крупнейшие войны XX в. привели к расколу в этих институтах: из политического процесса были исключены землевладельческие элиты, запятнавшие себя сотрудничеством с агрессорами из Европы и Японии. Полуавторитарные правительства, получавшие значительную поддержку со стороны США, стремились выстроить свою экономику как противовес растущему могуществу коммунистического Китая и СССР — единственным исключением была «складская экономика» (*entrepôt economy*) Гонконга. Поэтому в этих странах экономический рост проводился за счет субсидий и ориентации на экспорт. Правительства искали внутренние источники инвестиций, избегая брать в долг у стран Запада, во всяком случае, до конца 1990-х гг.

В настоящее время все эти государства, за исключением Гонконга, принято относить к развитым. Гомогенность населения обеспечивается единством этнической принадлежности, языка и религии — и это позволило всем этим государствам создать собственную национальную систему всеобщего среднего образования (что не удалось в Латинской Америке). Всеобщее образование обеспечило относительное экономическое равенство, как мы видим по первым коэффициентам Джини по этому региону. Данные государства заимствовали «лучший опыт» друг у друга и сообща учились координировать сотрудничество под эгидой правительства, наиболее могущественных экономических деятелей в каждой стране. Такую систему иногда называют встроеной автономией (Evans, 1995), иногда управляемой взаимозависимостью (Weiss, Hobson, 1995; Weiss, 1999). Такая система подразумевает корпоративное устройство сверху донизу и обеспечивает теснейшее взаимодействие элит. Поэтому все эти страны способны противостоять давлению рынка, которое могло бы нарушить их стратегию развития и социальную сплоченность.

5.4. Англоговорящий регион

За исследуемый период испытал наибольшее увеличение степени неравенства. Идеологически данный регион отличается высоким уровнем терпимости к неравенству доходов и некоторыми анахроническими формами социальной закрытости, такими как расовая нетерпимость. Экономически страны этого региона представляют собой капиталистическую экономику в ее классическом виде. В военном отношении регион доминирует на мировой арене в лице США. Это сразу делает социальную модель стран региона значимой в мировом масштабе: ее адаптация может происходить в любой точке мира. Наконец, в политическом смысле страны англоговорящего региона должны быть названы странами либерального типа модели всеобщего благоденствия.

После Второй мировой войны эти страны показывали пример наибольшего равенства доходов. Коэффициент Джини по суммарному доходу домохозяйства в 1950–1960-е гг. был значительно ниже, чем в североевропейских и континентальноевропейских странах, и такое положение дел во многом сохранялось до 1980-х гг. Скорее всего, это следствие победы во Второй мировой войне, которая была добыта силами Великобритании и США. Если Европа и США испытали горечь разрушений и поражений, то победа Великобритании и США заставила предпринять срочные реформы, в результате которых старые элиты не должны были пострадать. Реформы нужны были только для того, чтобы выпустить пар, и не должны были перерасти в изменение государством конфигурации рынка труда (Klausen, 1998). В США, которые первыми прекратили реформы, с 1980-х гг. уровень неравенства стал расти, что подтверждают все учтенные нами замеры. США лидируют, за ними следует Великобритания, потом (с 1990-х гг.) Новая Зеландия, после Австралия, а замыкает этот список Канада. По данным распределения заработка, собранным в рамках Люксембургской программы изучения доходов (Luxembourg Income Study), разрыв между заработками значительно увеличился в 1980–1990-е гг. в США, Великобритании и Новой Зеландии, тогда как в других странах региона изменения были незначительными (Smeeding, 2002; Kenworthy, 2004). Получается, что существенное увеличение разрыва в распределении государственных средств, направленных на достижение всеобщего благосостояния, произошло именно в либеральных странах. Самые либеральные правительства действовали в Британии и Новой Зеландии, но самый сильный разрыв в уровне зарплаток произошел в США, где и так скудные социальные программы были сокращены до предела (сохранено было только пенсионное обеспечение). В Австралии либерально-консервативные правительства радикально урезали социальные программы, но лейбористские правительства всякий раз открывали новые программы достижения всеобщего благосостояния—при этом в условиях, когда либералы приходят к власти чаще, чем лейбористы, лейбористы также стали урезать социальную сферу. Недавно сокращение социальных расходов было произведено и в Канаде (Hicks, 1999; Huber, Stephens, 2001; Saunders, 2002; Swank, 2002, ch. 6).

Глобализация и демографический прессинг в странах региона вряд ли сильнее, чем в других странах Организации экономического сотрудничества и развития. И дифференциалы рыночного дохода в них не больше, чем в других развитых странах. Но при этом шкала оплаты в США гораздо более дифференцирована, и США готовы снижать безработицу за счет увеличения разрыва доходов. Особенно силен уровень неравенства в тех штатах, где перераспределение доходов сведено к минимуму и политика этих штатов оказывает влияние на состояние дел во всем государстве, определяя общий уровень неравенства. Следует учитывать и то, что Австралия и Новая Зеландия во многом зависимы от экспорта сырья и полупродуктов и потому страдают от долговременного падения цен: сразу же начиная испытывать дефицит бюджета. Но если говорить в общем и целом, принятая в странах англоговорящего региона политика циклического макроэко-

номического менеджмента столкнулась с трудностями в 1970-е гг., породив стагфляцию и экспорт капитала.

Британские лейбористские правительства одно время пытались проводить корпоративно-ориентированную (corporatist) политику ограничения зарплат, но они вскоре стали жертвами своего же волюнтаризма, потому что не смогли удовлетворить этим решением ни профсоюзы, ни работодателей. Такая макроэкономическая неудача, неспособность создать корпоративное государство-профсоюз/государство-работодателя гораздо больше, чем давление глобализации или демографической ситуации, привело к принятию более сообразных рынку альтернатив во всех странах региона (King, Wood, 1999).

Идеологически во всех этих странах в 1980-е гг. торжествовал неолиберализм. Хотя, конечно, он ассоциируется прежде всего с деятельностью консерваторов Тэтчер и Рейгана, но Малруни в Канаде действовал в том же направлении. Эти политики проводили приватизацию государственных предприятий, подавляли деятельность профсоюзов и постоянно меняли налоговый кодекс с целью «поощрения производства». Частично их риторика была усвоена их левыми политическими оппонентами, которые хотели обеспечить себе больше голосов, чем мог им дать их постоянный рабочий электорат — так произошел известный «сдвиг вправо», отразившийся и на идеологической ситуации в каждой стране. Блэр проводил рыночно ориентированную политику, стремясь создать новый либерализм, точно так же как и Клинтон создавал новый идеал демократов. То же самое делал в Канаде Кретъен, с тем лишь отличием, что он не разбрасывался лозунгами. Проведенная Клинтоном реформа социального обеспечения привела к крупнейшему сокращению американских «запасов». Но в Австралии и Новой Зеландии лейбористские партии стали первыми левыми партиями, которые попытались проводить политику в пользу свободного рынка в таких секторах, как международная торговля, приватизация и реформа социального обеспечения (Swank, 2002, ch. 6). В Британии Блэр признавал влияние на него политических идей австралийского премьера Пола Китинга, хотя потом успех Блэра на выборах и авторитет Клинтона во всем мире позволил говорить об ответном влиянии уже в обратном направлении. В конце XX в. лейбористские партии в названных странах Южного полушария заявили о необходимости либерального «третьего пути», и разговоры об этой новой альтернативе длятся по сей день. Хотя США всегда изолированно стоят во всемирной политике, это новое понимание «наилучших практик» свободно распространяется в других странах англоговорящего региона. Представители политической и государственной элиты в Австралии, Новой Зеландии и (в меньшей степени) Канаде часто получают высшее образование в Великобритании. Так произошел коллективный сдвиг в рамках единой макрорегиональной культуры.

Великобритания, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия образуют англоговорящий культурный блок. Все эти страны в свое время были частью Британской империи, и британские эмигранты всегда составляли ядро коло-

ниальных поселений. Все эти страны, за исключением США, остаются членами Британского содружества. Все они обзавелись либеральными институтами в гражданской и политической сферах еще до Первой мировой войны. Истребив в свое время большинство аборигенов, колонизаторы требовали поддерживать минимальный уровень материального неравенства — исключением являются США во времена расизма. Победив в мировых войнах, эти страны не были затронуты революцией и мирно развивали то, что Маршалл в 1963 г. назвал социальной гражданственностью рабочих, при этом опыт, приобретенный в войне, пригодился в эпоху демографического бума. В странах региона был выработан компромисс либералов и лейбористов (*lib-lab compromises*), причем лейбористы больше всего заявляли о себе в Британии, Австралии и Новой Зеландии, в меньшей степени — в Канаде и совсем мало — в США. Поэтому во всех странах, за исключением США, в ту эпоху распространилось убеждение, что классический либерализм изжил себя и необходимо скорректировать его в сторону коллективизма ради общего блага (Klausen, 1998). Перед нами институционализированные классовые компромиссы, неизбежные после окончания Второй мировой войны и, как мы сейчас видим, не особо укоренившиеся в политической жизни этих государств. Эти компромиссы были скорее волюнтаристскими, чем «корпоративными», и поэтому партии (в полном соответствии с либеральными идеалами) смогли легко покончить с ними. Именно поэтому, хотя политическая жизнь по-прежнему направлялась соперничеством либералов и лейбористов, позиции последних были уже явно слабее⁴. Напротив, в Северной Европе и континентальной Европе государства следует назвать скорее корпоративистскими.

Специальное исследование (Western, 1993) о связи труда и социальных программ показало, что и там, и там профсоюзы напрямую участвуют в принятии государственных решений, прежде всего в установлении налоговых ставок и распределении налоговых поступлений. В Гентской и подобных европейских схемах распределения бюджета деятельность профсоюзов оказывается более значимой, чем в странах англоговорящего региона, где все социальные программы осуществляют только государственные службы, тогда как на долю профсоюзов остается лишь заключение соглашений на рынке труда. Страны англоговорящего региона не знают классовых компромиссов, которые были бы прописаны в законе, поддержаны государством и подкреплены влиятельнейшей идеологией социальной солидарности.

4. Некоторые считают, что одной из причин большего уровня неравенства в странах англоговорящего региона, чем в странах Северной и континентальной Европы, является более централизованная политическая система с однопалатным парламентом и мажоритарным принципом выборов. Такая система способна проводить неолиберальные реформы, не сталкиваясь с сопротивлением многочисленных групп вето, которые очень влиятельны в менее централизованных политических системах. Это следует учитывать и при рассмотрении движения государств англоговорящего региона в сторону большего равенства в 1950-е гг. и в противоположную сторону в 1980-е гг. Но этот аргумент сомнителен просто потому, что политическая жизнь в США и Канаде достаточно децентрализована, несмотря на все отличие политической жизни, скажем, в Великобритании и США.

Поскольку участие рабочих, профсоюзов и самого государства в деятельности социальных гражданских институтов остается добровольным, они могут уклоняться от этих обязанностей без серьезных юридических или институциональных последствий. Когда г-жа Тэтчер отказалась принять профсоюзных лидеров на Даунинг стрит, 10, она покончила с одним из важнейших обычаев достижения договоренностей (ее предшественники, приведенные на этот пост лейбористской партией, были знамениты умением решать производственные споры в доме 10 за пивом и бутербродами). Децентрализовать договоренности об оплате труда оказалось легче в Австралии, чем в Швеции. Ведь баланс либералов и лейбористов под внешним давлением легко смещается в сторону неолиберализма по причине своего волюнтаристского характера. Напротив, и в странах Северной Европы, и в странах континентальной Европы ни одна из партий не собирается покидать коридоры власти, и изменить политическую ситуацию в этих странах гораздо сложнее.

Англоговорящий регион как целое имеет всемирное значение, хотя в него входит всего несколько стран. Он обязан этим двум последовательно сменившим друг друга лидерам глобализующейся экономики, Великобритании и США. Великобритания достигла экономических высот благодаря открытости и свободе рынка, которую сейчас и защищают неолибералы. А США, если это не прозвучит слишком цинично, «одарили» неолиберализмом все остальные страны. Либеральные традиции в странах англоговорящего региона сделали эти страны весьма восприимчивыми к неолиберализму. Но США и в этом отношении представляют некоторое исключение — они имеют богатейший опыт исторической автономии, слабую культурную инерцию, слабое рабочее движение и единственные в современном мире — статус сверхдержавы. Эти обстоятельства настолько важны, что мы должны всякий раз оговаривать исключительное положение США даже внутри англоговорящего макрорегиона. Индекс Джини вырос в США с ~0,40 в 1967 г. до ~0,46 в 2001 г. Практически весь названный рост произошел после 1980 г., и, в отличие от Великобритании, где неравенство доходов осталось на уровне начала 1990-х гг., степень неравенства доходов в США продолжала расти дальше, в начале 2000-х (United States Census Bureau, 2005; Office for National Statistics, 2006). Несомненно, тенденции в США в этом отношении представляют собой явное исключение.

Следующие две группы стран, которые мы рассмотрим, обнаруживают сходство военной ситуации. Обе находятся под покровительством США, поэтому будем противопоставлять их только по идеологическому, экономическому и политическому источнику неравенства, минуя военный.

5.5. Европейский континентальный регион

Эта группа стран обнаруживает траекторию, удивительно похожую на траекторию стран Восточной Азии, за тем исключением, что уровень неравенства продолжил снижаться и после 1980-х гг., тогда как в Восточной Азии он возрос. Идеологически этот регион характеризуется значительной национальной сплоченностью, относительным отсутствием групповой закры-

тости и важностью религиозного фактора — католичество находится либо в позиции влиятельного большинства, либо пренебрегаемого меньшинства. Экономически страны европейского континента отличаются корпоративизмом. Соглашения между группами интересов институционализированы в самом устройстве государства. Европейский континентальный корпоративизм гораздо в большей степени эгалитарен, чем его латиноамериканское соответствие. Политически большинство государств региона представляют собой мощные социальные государства — государства всеобщего благосостояния. Некоторые из государств также смогли выработать эффективную стратегию развития.

Европе понадобилось много времени, чтобы развить в себе эти свойства. Хотя некоторые авторитарные монархии и церкви сработали как пионеры патерналистской политики всеобщего благосостояния, Первая мировая война перечеркнула весь опыт в этой области и привела к кровавым конфликтам социализма и фашизма. Социализм в Европе был подавлен, но впоследствии борьба СССР и англоговорящего мира с фашизмом стоила еще одной мировой войны. Фашистский тип корпоративизма был дискредитирован его военной агрессивностью (хотя до сих пор идут дискуссии о сущности фашистского корпоративизма с его откровенным антидемократизмом). Европейский континентальный регион показывает еще одно сходство с Восточной Азией. И там, и там старые аграрные элиты были практически истреблены после массовых военных мобилизаций. Только после 1945 г. в этом регионе началось консолидированное становление либеральных демократий, возникших в результате компромисса между правыми христианскими демократами с их патерналистскими принципами и левыми социал-демократами. Этот исторический компромисс позволил постепенно развивать сходную рыночную, налоговую и социальную политику. Европейские народы с восторгом воспринимали этот межклассовый и межрелигиозный компромисс, памятуя, в какую страшную бурю бескомпромиссного насилия они попали еще недавно.

Так как официальные языки стран этого региона различны, то в сравнении с Североевропейским или англоговорящим регионом распространение «наилучших практик» затруднено. При этом страны обнаруживали большие совпадения в практиках, так как вся политика в этих странах вращалась вокруг соперничества просоциалистической и проконфессиональной партий. В Италии, Франции, Испании, Люксембурге и Австрии большинство населения разделяет католические ценности, тогда как Германия, Нидерланды и Бельгия отличаются большей пестротой политической жизни — католики и протестанты обычно поддерживают разные партии. Умеренные социалисты и христианские социалисты стремятся добиться сотрудничества классов в производстве, на рынке труда и в распределении налогового бремени, хотя при этом перераспределение было ограничено влиянием традиционалистских религиозных идей.

Такой режим власти лучше всего называть христианским социализмом, и хотя он и требовал умеренного уровня неравенства, его трудно было реализовать в условиях рыночной экономики. Ответ на вызов рынка был двоя-

ким: государства Северной Европы смогли сдерживать недавнее демографическое давление и давление глобальной экономики. Но сдерживание в государствах континентальной Европы включает в себе парадоксы. Большинство этих государств, в которых пенсионеры составляют значительную долю населения, следует принципу жизни по средствам, и все эти схемы внушают жителям чувство неперенной компенсации за все их усилия (Myles, Pierson, 2001). Эти государства всеобщего благосостояния постепенно перешли к принципу страхования. Ясно, например, что при увеличении доли пенсионеров такое страхование становится более затратным, а политическими средствами уже невозможно ограничить количество получателей социальных гарантий или урезать те блага, которые они получают. Тем более что ни христианские, ни социал-демократические партии в континентальной Европе никогда не победят на выборах, если начнут отстаивать неолиберальные схемы устройства экономики (Swank, 2002, ch. 5). В довершение всего корпоративизм, воплотивший в себе высокую степень принудительного сотрудничества, сыграл роковую роль в истории Европы первой половины XX в. Теперь демократия готовит и североевропейские, и континентальноевропейские страны к новым вызовам — демократия становится гражданской святыней, общенациональным вариантом того, чем является Национальная служба здравоохранения в Великобритании и социальное обеспечение в США. Очевидно, что теперешний бюджетный кризис в странах Европы требует реформы в этой сфере. Но пока что в Европе реформы предпринимаются только по частным поводам, таким как неудачные решения правительства в Швеции в конце 1980-х гг. (что привело к взлету безработицы), объединение Германии, коррупционные скандалы в Италии и т. п. В Швеции и Италии реформы усилили неравенство, но это был, как оказалось, кратковременный эффект. А длительный кризис в Германии объясняется тем, что христиански-социальное государство всеобщего благосостояния в 1990-е гг. было вынуждено воспринять в себя и модернизировать восточногерманские земли. Германии пришлось сократить расходы на социальную сферу, но пока неясно, приведет ли это к усилению неравенства.

5.6. Североевропейский регион

Страны Североевропейского региона пережили перелом в отношении неравенства в 1960-е гг., когда социал-демократическое государство, наконец, достигло определенной зрелости. К 1970 г. они были странами с самым большим равенством в мире и таковыми остаются до сих пор. Страны, которые могут сравниться с ними в этом отношении, — небольшие страны: Тайвань, Нидерланды и Бельгия — как видите, размер имеет значение.

Исторически страны Северной Европы имеют сходную судьбу. В идеологическом отношении эти страны стали протестантскими до того, как появилась секулярная политика. Во всех этих странах, кроме Финляндии, говорят на языках скандинавской группы, похожих по звучанию и грамматике. Культурное единство стран имеет длительную историю, а сейчас оно усиле-

но институтами, находящимися под контролем Совета министров северных стран (Nordic Council of Ministers). Около 30 общескандинавских институтов координируют региональную деятельность, начиная от собирания фольклора до решения энергетических проблем — при этом собирается исчерпывающая статистическая информация, напрямую связанная с отбором и выработкой наилучших практик. Экономически эти страны преуспели, выбрав правильную специализацию — производство конкурентоспособных высокодоходных товаров, таких как мобильные телефоны или автомобили класса люкс. Политически это устойчивые социал-демократические государства, в которых уровень безработицы низок и политика властей на рынке труда активна.

Высокая концентрация населения в городских индустриальных центрах, восходящая к Средним векам традиция парламентаризма и наличие радикальных протестантских сект, создавших идеологию среднего класса, — все это способствовало мобилизации труда, формированию среднего класса, классовым компромиссам и сглаживанию конфликта между городом и деревней путем корпоративной защиты населения и поддержания высокого уровня жизни, что включало в себя и активное участие в международной торговле. Во время мировых войн эти государства пытались сохранять нейтралитет, но они не избежали разных форм вовлеченности в эти войны, что впоследствии также способствовало послевоенному классовому компромиссу. С 1930-х гг. рабочие (включая квалифицированный средний класс) и фермеры стали участвовать в работе государственного аппарата в рамках институционализированного распределения власти (Esping-Andersen, 1985; Baldwin, 1990). Соглашения были усилены государственными «корпоративными» агентами, взаимодействовавшими с основными группами интересов. Хотя политическое развитие в каждой из этих стран имеет свои отличительные особенности, все они постепенно перешли к социал-демократии. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы сложился устойчивый режим производства, который способен влиять на состояние рынков, позволяет производить перераспределение доходов между классами и в конце концов перераспределять функции между мужчинами и женщинами (Klausen, 1998, ch. 5; Huber, Stephens, 2001). Так постепенно возникла та плотность институтов, которые позволили Североевропейскому региону легко выдерживать любое давление, которое и воспринимается как рост неравенства.

США не оказывают значительного геополитического влияния ни на страны Северной Европы, ни на страны континентальной Европы, в отличие от стран Латинской Америки. Культурное влияние США в этих странах тоже особенно не просматривается, в отличие от стран англоговорящего региона (показательным исключением здесь является, пожалуй, Италия, где Берлускони решил слепить себя по образцу Рейгана). Хотя американские политики, банкиры и журналисты постоянно жалуются на неподвижность рынка труда Германии и на высокие налоги в социальном государстве Швеции, за этой риторикой не стоит никакой возможности повлиять на события в этих странах. Хотя Бундесбанк и критерии объединения ЕС бросают тревожную тень на государство всеобщего благосостояния, они же уменьша-

ют долг Европы. В отличие от Латинской Америки, Европа в своих решениях не зависит от политики МВФ. Вашингтонский консенсус может перейти через Атлантику, но не может пересечь Ла-Манш.

Необходимо отметить и различный ритм жизни макрорегионов. Североевропейский регион показывает постепенное кумулятивное движение к социал-демократии, занявшее несколько десятилетий. Англоговорящий регион колебался между реформами труда и либерализмом. Континентальноевропейский регион выработал в середине XX в. компромисс, неожиданный на фоне предшествующей истории войн и революций, но политика социального благоденствия вызревала здесь гораздо медленнее. Латинская Америка довольно мало изменилась в сравнении со временем первоначальной безжалостной эксплуатации трудовых ресурсов. В Восточной Азии послевоенные реформы усилили социальную сплоченность, но только после периода жесткого авторитаризма они постепенно встали на путь демократии. Южноазиатское постколониальное развитие началось позднее, чем у всех остальных макрорегионов, и остается весьма противоречивым. Эти макрорегиональные различия — вовсе не константы, а, напротив, результат конкретных исторических подвижек.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный макросоциологический анализ позволил выделить две основные особенности неравенства доходов в современном мире. Первое: неравенство доходов на национальном уровне зависит от региона. Ни отдельные нации-государства, ни мир в целом не могут быть адекватными единицами анализа. А это значит, что исследователи должны тщательнее фокусироваться на кластерах стран. Второе: существует сложное переплетение причин, определяющих неравенство. Мы выделили четыре причины: идеологическую, экономическую, военную и политическую. В разных регионах в различные периоды формирование неравенства происходит по-разному. Так, в корне различные процессы в Южной Азии и в Латинской Америке привели к сходному результату — высокому уровню неравенства (хотя и с разными тенденциями). Мы полагаем, что для объяснения уровня неравенства доходов необходимо учитывать целый ряд случайных исторических факторов, таких как победа или поражение в войне, способ колонизации, распространение культурных влияний и изменение политической ситуации. Более плотное обсуждение вопросов позволяет сделать два важных замечания. Прежде всего многие исследователи отождествляют глобальную экономику и глобальное общество с опытом стран англоговорящего региона. Но в других регионах пока не наблюдается конвергенции с моделью этого региона. Большое число исследователей рассматривает скандинавскую социал-демократию как единственную эгалитарную альтернативу неолиберализму. Но достаточно обратиться к политическому опыту стран Восточной Азии и континентальной Европы, чтобы убедиться, что социал-демократия скандинавского типа не является единственным опытом преодоления социаль-

ных противоречий. Падение социализма советского типа вовсе не остановило движения к большему равенству в других макрорегионах.

Конечно, различия между макрорегионами остаются коренными и в новом тысячелетии. Разброс средних значений коэффициента Джини остается столь же значительным. Никакой конвергенции макрорегионов не наблюдается, равно как и роста поляризации между севером и югом. Полученные выводы явно противоречат теориям как неоклассиков, так и «новых левых», равно как и многим идеям, связанным с глобализацией. Вопреки ожиданиям сторонников неоклассики, высокая степень неравенства доходов в Латинской Америке осталась и после того, как эти страны открылись международному рынку, равно как там, где степень неравенства была низкой, как на севере, так и на юге, она такой и осталась (Swank, 2002, см. и другие примеры). Политически амбициозные идеологии макрорегионального масштаба критикуют неравенство доходов независимо от экономического или демографического давления. Мы не сомневаемся, что основной вектор этого давления — рынки труда и государственная политика. Но государства могут вести достаточно гибкую политику, чтобы справиться с обстоятельствами, не отбрасывая прежде обретенного понимания «наилучших практик».

Но как долго смогут государства выдерживать теперешнее давление на рынки труда и бюджеты? Усиление неравенства сначала дало о себе знать в странах англоговорящего региона, а теперь уже распространилось повсюду. Конечно, проще всего сослаться на влияние могущественных США (в последние годы чуть ослабшее). Но если тенденции с середины 1980-х до середины 1990-х гг. можно связать с ролью США, то сейчас они остановились где-то на границах Великобритании (Smeeding, 2002; Atkinson, 2003). Как показывает панельное исследование домохозяйств по доходам за вычетом налогов в 15 странах Евросоюза за 1993–1996 гг. (Alvarez-Garcia et al., 2002), в четырех странах неравенство ослабевало постоянно (Германия, Люксембург, Португалия, Австрия), в четырех оно то ослабевало, то оставалось на прежнем уровне (Бельгия, Италия, Франция, Греция), в трех не наблюдалось никаких значительных изменений (Дания, Великобритания, Испания), в двух произошел прерывистый рост неравенства (Ирландия, Нидерланды) и ни в одной не было непрерывного усиления неравенства. Все страны, в которых неравенство уменьшалось, — континентальные страны (включая Португалию и Грецию, которые мы исключили из рассмотрения). В 1996 г. страной с самой большой степенью равенства была Швеция, за ней следовали Дания и Финляндия — все три страны относятся к Северной Европе. За ними шли Германия, Нидерланды, Австрия, Франция, Люксембург (по нему доступны данные только за 1995 г.), Италия и Бельгия — страны континентальной Европы. И замыкала эту цепочку лидеров Великобритания, единственная из всех — страна англоговорящего региона⁵. Таким образом, мы вновь видим макрорегиональное распределение данных.

5. Наибольшее неравенство наблюдается в Ирландии, Испании, Греции и Португалии, которые мы не рассматриваем в нашем исследовании.

Экономическое и демографическое давление последнего времени породило умеренный бюджетный кризис, не зависящий от политического режима страны (хотя тем странам, в которых был большой бюджетный дефицит, пришлось ту же). Новое неolibеральное решение проблемы было предложено сначала в США. Два из макрорегионов, англоговорящий и Латиноамериканский макрорегион, оказались идеологически и геополитически податливей и приняли эту альтернативу почти сразу. Неolibералы действовали финансовыми средствами и вскоре усилили неравенство. Другие макрорегионы, испытывавшие сходное давление, не проявили никакого желания решать свои проблемы с помощью неolibерализма. Конечно, сначала им пришлось потратиться на противодействие спровоцированному состоянием рынка неравенству, но разразившийся кризис заставил их отступить, при этом совершенно не упраздняя прежний режим налогообложения и социальных гарантий. В результате неравенство усилилось, но позднее и меньше, чем в англоговорящих странах. Некоторые страны пережили свои острые кризисы в связи с их частными обстоятельствами (падение цен на сырье в Австралии и Новой Зеландии, стагфляция в США и Великобритании, объединение Германии, коррупционные скандалы в Италии, политическая нестабильность в Аргентине, открытие Кореи для иностранного капитала и т. п.). Но эти кризисы не были затяжными, и их нельзя даже отдаленно сравнивать по глубине с теми кризисами, которые вызваны войнами, завоеваниями или революциями. Вот почему недавняя тенденция роста неравенства оказалась слабее, чем более ранняя обратная тенденция. Вот почему и последующие реформы оказались столь зависимы от политической линии самого государства. Нынешнее демографическое давление также создает бюджетные трудности в большинстве государств ОЭСР, так как доля пенсионеров среди населения увеличивается, а молодежь позднее приступает к работе в связи с увеличением числа лет, уходящих на получение образования, — но политическая реакция на это может оказаться совершенно непредсказуемой. Поэтому мы не знаем, будет ли степень неравенства в будущем усиливаться, и если будет, то до какой степени.

Не существует никакого глобального консенсуса о том, какой режим политической экономии правилен. Неolibерализм как последний претендент на правильность достиг сейчас пика своего влияния. Но в любом случае режимы скорее добиваются правильной констелляции власти, чем создают эффективные механизмы. В каждом государстве есть то, что извне кажется помехой в его развитии: неподвижность рынка труда, общая инертность населения (*mañana culture*), коррупция, избыток юристов или избыток заключенных, высокая степень неравенства доходов или низкая степень неравенства доходов и т. п. Но так как все эти практики привели к возникновению нескольких макрорегиональных культур, простого глобального соревнования недостаточно, чтобы заставить эти страны принять ту модель «сверхэффективности», которую разрабатывают в своих кабинетах экономисты. Страны и регионы продолжают продираться на ощупь через череду мелких и не очень мелких кризисов, адаптируя текущее понимание «наилуч-

ших практик» к новым условиям — новым формам давления, пока не грянули серьезнейшие кризисы. Только они могут привести к коренной макросоциологической реструктуризации, наподобие того, как мировые войны 60 лет назад создали изученные нами макрорегионы с их несходным историческим движением.

Авторы благодарят Хуана Фернандеса за помощь в обработке данных.

Перевод с английского Александра Маркова

ЛИТЕРАТУРА

- Alderson A. S., Nielsen F. Income Inequality, Development, Dependence: A Reconsideration // *American Sociological Review*. 1999. Vol. 64. P. 606–631.
- Alderson A. S., Nielsen F. Globalization, the Great U-Turn: Income Inequality Trends in 16 OECD Countries // *American Journal of Sociology*. 2002. Vol. 107. P. 1244–1299.
- Alvarez-García S., Rodríguez J. P., Salas F. The evolution of income inequality in the European Union during the period 1993–96 [версия: March 31, 2006] // Working Paper of the Instituto de Estudios Fiscales. 2002; режим доступа: <http://www.ief.es/>.
- Arrighi G. *The Long Twentieth Century*. London: Verso Books, 1994.
- Arrighi G., Silver B. J. *Chaos, Governance in the World System*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
- Arrighi G., Silver B. J. Industrial Convergence, Globalization, the Persistence of the North-South Divide // *Studies in Comparative International Development*. 2003. Vol. 38. P. 3–31.
- Atkinson A. B. *The Economics of Inequality*. Oxford: Clarendon Press, 1975.
- Atkinson A. B. Income Inequality in OECD Countries: Data, Explanations // *CESifo Economic Studies*. 2003. Vol. 49. P. 479–513.
- Baldwin P. *The Politics of Social Solidarity: Class Bases of the European Welfare State 1875–1975*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Bauman Z. *Globalization: The Human Consequences*. Cambridge: Polity Press, 1998.
- Baumann R. Brasil en los años novena: una economía en transición // *Revista de la CEPAL*. 2001. Vol. 73. P. 149–171.
- Behind East Asian Growth: The Political, Social Foundations of Prosperity / H. Rowen (Ed.). London: Routledge, 1998.
- Béteille A. *Inequality Among Men*. Oxford: Basil Blackwell, 1977.
- Béteille A. *The Idea of Natural Inequality, Other Essays*. Delhi: Oxford University Press, 1983.
- Boix C. *Political Parties, Growth, Equality: Conservative, Social Democratic Economic Strategies in the World Economy*. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1998.
- Brenner R. The Economics of Global Turbulence // *New Left Review*. 1998. Vol. 229. P. 1–264.
- Brenner R. *The Boom, the Bubble. The US in the World Economy*. London: Verso, 2002.
- Burtless G. International Trade, the Rise in Earnings Inequality // *Journal of Economic Literature*. 1995. Vol. 33. P. 800–816.
- Castells M. *The Information Age*. Vol 3: End of Millenium. Oxford: Blackwell, 1998.
- Castles F. *The Working Class, Welfare*. Sydney: Allen & Unwin, 1985.
- Centeno M. *Blood, Debt: War, the Nation-State in Latin America*. University Park. Pennsylvania, The Pennsylvania State University Press, 2002.
- Chan S., Clark C., Danny Lam. *Beyond the Developmental State: East Asia's Political Economy Reconsidered*. New York: St Martin's Press, 1998.
- Coping with Permanent Austerity: Welfare State Restructuring in Affluent Democracies // P. Pierson (Ed.) *The New Politics of the Welfare State*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Cornia G. A., Addison T., Kiiski S. Income Distribution Changes, their Impact in the Post-World War II Period, Discussion Paper of UNU-WIDER, No. 2003/28 [версия: September 9, 2005]. Режим доступа: <http://www.wider>.

- unu.edu/publications/publications. htm.
- Cornia G. A., Kiiski S. Trends in Income Distribution in the Post-World War II Period: Evidence, Interpretation, Discussion Paper of UNU-WIDER No. 2001/89 [версия: September 9, 2005]. Режим доступа: <http://www.wider.unu.edu/publications/publications. htm>.
- De Ferranti D. M., Perry G. E., Ferreira F. H. G., Walton M. Inequality in Latin America: Breaking with History? Washington, DC: The World Bank, 2004. Режим доступа: <http://www-wds.worldbank.org>.
- Deininger K., Squire L. A new data set measuring income inequality//The World Bank Economic Review. 1996. №10. P.3.
- Desphande A. Does Caste Still Define Disparity? A Look at Inequality in Kerala, India//The American Economic Review. 2000. Vol. 90. P.322–325.
- Dobb M. Studies in the Development of Capitalism. New York: International Publishers, 1963.
- Dollar D., Kraay A. Trade, Growth, Poverty//Economic Journal. 2004. Vol. 493. P. 22–49.
- Esping-Andersen G. Politics Against Markets. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Esping-Andersen G. Social Foundations of Postindustrial Economies. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Evans P. Embedded Autonomy: States, Industrial Transformation. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995.
- Ferreira F., Litchfield J. Inequality, Poverty in the Lost Decade: Brazilian Income Distribution in the 1980s//V. Bulmer-Thomas (Ed.) The New Economic Model in Latin America, its Impact on Income Distribution, Poverty. New York: St Martin's Press, 1996. P.249–270.
- Firebaugh G. Empirics of World Income Inequality//American Journal of Sociology. 1999. Vol. 104. P.1597–1630.
- Firebaugh G. The Trend in Between-Nation Income Inequality//Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. P.323–339.
- Fourcade-Gourinchas M., Babb S. L. The Rebirth of the Liberal Creed: Paths to Neoliberalism in Four Countries//American Journal of Sociology. 2002. –Vol. 108. P.533–579.
- Galbraith J. K., Kum H. Estimating the inequality of household incomes: a statistical approach to the creation of a dense, consistent global data set//Review of Income, Wealth. Vol. 51. P.115–143.
- Garrett G. Shrinking States: Globalization, National Autonomy in the OECD//Oxford Developmental Studies. 1998. Vol. 26. P.71–98.
- Goesling B. Changing Income Inequalities within, between Nations: New Evidence//American Sociological Review. 2001. Vol. 66. P.745–761.
- Goldthorpe J. H. Globalisation, Social Class//West European Politics. 2002. Vol. 25. P.1–28.
- Goodin R., Heady B., Muffels R., Dirven H. J. The Real Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.
- Gottschalk P., Joyce M. Cross-national differences in the Rise in Earnings Inequality-Market, Institutional Factors//Review of Economics, Statistics. 1998. Vol. 80. P.489–502.
- Gottschalk P., Smeeding T. M. (1997) Cross-National Comparisons of Earnings, Income Inequality//Journal of Economic Literature. 1997. Vol. 35. P.633–687.
- Gowan P. Global Gamble. Washington's Faustian Bid for World Dominance. London: Verso, 1999.
- Gustafsson B., Johansson M. In Search of Smoking Guns: What Makes Inequality Vary over Time in Different Countries?//American Sociological Review. 1999. Vol. 64. P.585–605.
- Hall P., Soskice D. Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. New York: Oxford University Press, 2001.
- Held D., McGrew A. The Great Globalization Debate: An Introduction//The Global Transformations Reader. Cambridge: Polity, 2000. P.1–45.
- Hicks A. Social Democracy, Welfare Capitalism: A Century of Income Securities Politics. Ithaca, London: Cornell University Press, 1999.
- Higgins M., Williamson J. G. Explaining Income Inequality the World Round: Cohort Size, Kuznets Curves//Openness, NBER Working Paper Series, w7224, 1999 [версия: March 30, 2006]. Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/>.
- Hobsbawm E. The Age of Extremes. New York: Pantheon, 1994.
- Huber E., Stephens D. J. Development, Crisis of the Welfare State. Chicago, University of Chicago Press, 2001.

- Inter-American Development Bank. Facing up to Inequality in Latin America//Economic, Social Progress in Latin America, 1998–1999 Report. Washington, DC: Inter-American Development Bank, 1999.
- Introduction//The New Economic Model in Latin America, its Impact on Income Distribution, Poverty/V. Bulmer-Thomas (ed.). New York: St Martin's Press, 1996. P.7–26.
- Jayaraman R., Peter L. The Evolution of Poverty, Inequality in Indian Villages. Washington, DC: World Bank, Development Research Group, Poverty, Human Resources, 1998.
- Johnson C. MITI, the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford, Stanford University Press, 1982.
- Johnson C. Japan: Who Governs? The Rise of the Developmental State. New York, London: W.W. Norton, 1995.
- Kentor J. The Long Term Effects of Globalization on Income Inequality, Population Growth, Economic Development//Social Problems. 2001. Vol. 48. –P.435–455.
- Kenworthy L. Egalitarian Capitalism? Jobs, Income, Inequality in Affluent Countries. New York: Russell Sage Foundation, 2004.
- Kersbergen K. Social Capitalism: A Study of Christian Democracy, the Welfare State. London: Routledge, 1995.
- King D., Wood S. The Political Economy of Neoliberalism: Britain, the United States in the 1980s//H. Kitschelt, P. Lange, G. Marks, J. D. Stephens (Eds.). Continuity, Change in Contemporary Capitalism. New York: Cambridge University Press, 1999. P.371–397.
- Klausen J. War, Welfare. Europe, the United States, 1945 to the Present. New York: St Martin's Press, 1998.
- Korpi W. Faces of Inequality: Gender, Class, Patterns of Inequalities in Different Types of Welfare States//Social Politics. 2000. Vol. 7. P. 127–191.
- Korzeniewicz R. P., Moran T. P. World-Economic Trends in the Distribution of Income, 1965–1992//American Journal of Sociology. 1997. Vol. 102. P.1000–1039.
- Mann M. The Sources of Social Power. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Marshall T. H. Sociology at the Crossroads, Other Essays. London: Heinemann, 1963.
- Marx K. Capital: A Critique of Political Economy. Volume III/E. Frederick (ed.). New York: International Publishers, 1984.
- Milanovic B. The Two Faces of Globalization: against Globalization as We Know It//World Development. 2003. Vol. 31. P.667–684.
- Morley S. The Income Distribution Problem in Latin America, the Caribbean, Santiago, Chile//CEPAL/ECLAC. 2001.
- Myles J. The Comparative Political Economy of Pension Reform//P. Pierson (Ed.) The New Politics of the Welfare State. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Ocampo J. A., Sanchez F., Tovar C. E. Mercado laboral y distribucion del ingreso en Colombia en los anos noventa//Revista de la CEPAL. 2000. Vol. 73. P. 53–78.
- Office for National Statistics. Income Inequality: Fall in Inequality since 2001/02 [версия: May 31, 2006]. Режим доступа: <http://www.statistics.gov.uk/cci/nugget.asp?id=332>.
- Panuco-Laguette H., Szekeley M. Income Distribution, Poverty//V. MexicoIn Bulmer-Thomas (ed.) The New Economic Model in Latin America, its Impact on Income Distribution, Poverty. New York: St Martin's Press, 1996.
- Pierson P. Irresistible Forces, Immovable Objects: Post-industrial Welfare States Confront Permanent Austerity//Journal of European Public Policy. 1998. Vol. 5. P. 539–560.
- Poverty, Economic Reform, Income Distribution in Latin America/A. Berry (Ed.) Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998.
- Rhodes M. The Political Economy of Social Pacts: 'Competitive Corporatism', European Welfare Reforms//P. Pierson (Ed.) The New Politics of the Welfare State. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Rodrik D. Feasible Globalizations. Harvard University Department of Economics. 2002 [версия: March 31, 2006]. Available at <http://ksghome.harvard.edu/drodrik/papers.html>.
- Rueda D., Pontusson J. Wage Inequality, Varieties of Capitalism//World Politics. 2000. Vol. 53. P.350–383.
- Saunders P. The Ends, Means of Welfare. Coping with Economic, Social Change in Australia. Port Melbourne: Cambridge University Press, 2002.
- Smeeding T. M. Globalization, Inequality, the Rich Countries of the G-20: Evidence from the Luxembourg Income Study (LIS), LIS Working Papers. 2002. #320 [версия: March 31, 2006]. Available at <http://www.lisproject.org/publications/wpapersg.htm>.

- Smith A.* An Inquiry into the Nature, Causes of The Wealth of Nations. Chicago: The University of Chicago Press, 1976.
- Stallings B.* International Influence on Economic Policy: Debt, Stabilization,, Structural Reform// S. Haggard, R. R. Kaufman (Eds.). The Politics of Economic Adjustment: International Constraints, Distributive Conflicts, the State. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.
- Swank D.* Global Capital, Political Institutions, Policy Change in Developed Welfare States. New York: Cambridge University Press, 2002.
- Tsai P. L.* Foreign Direct Investment, Income Inequality: Further Evidence//World Development. 1995. Vol.23. P.469–483.
- United Nations University WIDER (World Institute for Development Economics Research). (2000) World Income Inequality Database, Version 1.0, 12 September 2000 [версия: January 15, 2002]. Режим доступа: <http://www.wider.unu.edu/wiid/wiid.htm>.
- United States Census Bureau. Historical Income Tables: Income Inequality Table IE-1. [версия: September 9, 2005]. Режим доступа: <http://www.census.gov/hhes/www/income/histinc/ie1.html>.
- University of Texas Inequality Project. UTIP World Time Series 2000 [версия: January 15, 2002]. Режим доступа: <http://utip.gov.utexas.edu/>.
- Western B.* Postwar Unionization in 18 Advanced Capitalist Countries// American Sociological Review. 1993. Vol. 58. P.266–282.
- Weiss L.* The Myth of the Powerless State. Oxford: Polity Press, 1999.
- Weiss L., Hobson J.* States, Economic Development. Oxford: Polity Press, 1995.
- Wildeboer Schut J. M., Vrooman J. C., de Beer P. T.* On Worlds of Welfare. The Hague, Dutch Government, Social, Cultural Planning Office. 2001.
- Wood A.* North-South Trade, Employment, Inequality: Changing Fortunes in a Skill-Driven World. Oxford: Clarendon Press, 1994.